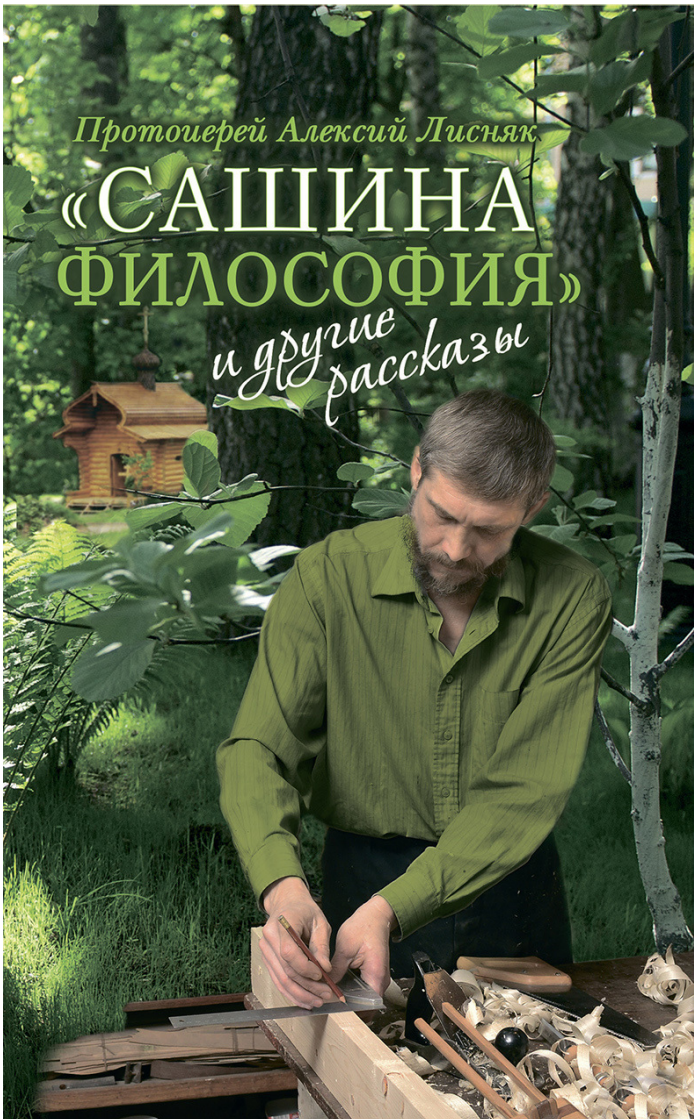

Протоиерей Алексей Лисняк

«САШИНА ФИЛОСОФИЯ»

*и другие
рассказы*

Алексий Лисняк
«Сашина философия»
и другие рассказы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54176623

«Сашина философия» и другие рассказы. – 2-е изд. / Протоиерей

Алексий Лисняк: Сретенский монастырь,; Москва; 2014

ISBN 978-5-7533-0911-2

Аннотация

Размышляя о нашей «невеселой, пропитой, прокуренной и разворванной жизни», нетрудно впасть в уныние. Но автор далек от этого. Он умеет различать главное и второстепенное, найти верную интонацию повествования. Рассказы, включенные в книгу, написаны умелой рукой. Они дышат тонким юмором и любовью ко всему окружающему.

Содержание

Атеист	6
Жертва	10
Аргументы и факты	18
Покровские летуны	22
Светлый кот	29
Техпомощь	33
Зимнее тепло	40
Всякое дерево, или Подпорка для безработицы	47
Давид-креститель	54
Губернатор острова Мицубиси	61
Выдумка	70
Песня про гробы	76
Пельмень	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Протоиерей Алексий Лисняк «Сашина философия» и другие рассказы

Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 14-404-0326

© Сретенский монастырь, 2014

© Лисняк А., протоиерей, 2014

Атеист

Отдыхаю. Передо мной пруд, уходящий за горизонт. В руках удильник. Воздух свеж после грибного дождичка. Смотрю на застывший поплавок. До чего хорошо! Иногда слабый ветерок прогонит рябь по воде, и снова спокойствие. Скоро закат. Сегодня обязательно его дожусь. Это зрелище интереснее десятка поплавков. Да и не в рыбе счастье – не каждый день, да что там день! Не каждое лето выпадает свободный вечерок для рыбалки. Ржавый крючок на моей удочке наверняка уже пуст и вылизан до блеска.

Поездка на пруд стала для меня простой долгожданной

встречей с природой, подаренной когда-то Творцом непутевым людям – нам.

Полезно иногда на часок оставить суету, заботы, остановиться, оглядеться по сторонам и увидеть лес, пруд, небо. Задуматься о том, насколько скоротечна земная жизнь среди этого великолепия, которое здесь, рядом. Здорово все же отдохнуть от бесконечных забот по восстановлению разворванного крещеным людом храма. Отдохнуть от кирпича, известки, раствора, вернее – от бесконечного их отсутствия.

Хорошо и полезно бывает уединиться со своими мыслями на природе, но сегодня такое счастье меня миновало. Справа от меня мочит в пруду свои удочки и донки главный зоотехник нашего совхоза – личность уникальная своей заурядностью. Он уже целых полчаса пытается громко и браво завязать со мной спор – этакую атеистическую полемику, чтобы поддержать среди своих соседей-рыбаков репутацию балагура и весельчака.

– Что попы? такие же люди, как все! – разлетается над прудом его бодрый монолог. – Так же, поди, пьют да пляшут, как все. – Ненадолго замолкает и торжественно оглядывает подмигивающих рыбаков.

– Вот вы, батюшка, тоже рыбки вот решили, того... Придете домой да под ущицу самогоночки, эх!

Соседи гогочут, а говорун продолжает:

– А я что же, должен попам верить? Сказки какие-то! Все у вас, у попов, грех – то это нельзя, то это! А я, может, жизнь

люблю! Может, я и вовсе – атеист, может, и Бога никакого нету!

Ну вот, отдых и испорчен. Кажется, смотрим мы все на свои поплавки одинаковыми глазами, но видим совсем разные вещи. До сих пор удавалось пропускать белиберду зоотехника мимо ушей, но всему бывает предел. Достаю из воды удочку и начинаю сворачиваться.

– А вы, – говорю, – Григорий Михалыч, быстро поправились. Помню, год назад, когда ваша жена позвала меня вас, больного, соборовать, мы с вами как-то по-другому беседовали. Помню, как раз после первого помазания у вас печень сильно закололо, так «Господи, прости, помилуй» с языка не сходило. А теперь вот уже и атеист.

Публика насупилась и стала молча взирать на неподвижные поплавки, а я не спеша смотал единственную удочку, положил ее в багажник рядом с пустым садком и тронулся домой пыльной проселочной дорогой. По правую руку – пруд, по левую – лес. В небе один за другим проносятся учебные истребители, но им не под силу заглушить мерный гул двигателя моей машины и вечернюю песню перепелок. Через дорогу снуют суслики, каждый сам по себе. Один совсем маленький да тощий, другой побольше, пожирнее. Их Господь любит, дает им пропитание и хорошую погоду. И нас тоже любит. Всех одинаково – и толстых, и тонких, и праведных, и грешных. Даже атеистов, и тех любит.

Жертва

Жертва для Господа – величайшая в мире добродетель. Кто-то от любви к Богу жертвует свободным временем, кто-то, как та евангельская вдова, жертвует всем своим пропитанием, дабы имя Всевышнего воспевалось в храме, в стене которого есть и ее кирпичик. Редки случаи, когда от безграничной любви ко Творцу люди жертвуют и своим благополучием, и даже жизнью. Различными бывают пожертвования. Жертвователям – рай и счастливая Вечность!

Как и любой храм, разграбленный трудящимися за время безбожной власти, наш, освященный в честь Богоявления, нуждается в любых пожертвованиях. Некогда двухпрестоль-

ный, имевший двух священников и диакона, огромный церковный двор со школой и садом, высокий кирпичный оплот и крестилку, – ныне облезлый стоит он посреди обширного пустыря.

Огромное пятитысячное село не изобилует нынче своим мастеровитым людом. Нет уже тех каменщиков и штукатуров с малярами. Как иногда бывает полезно для спасения души настоятельствовать в таком приходе! Овладел настоятель мастерством, скажем, художника – вот разрушенному храму и расписные своды. Овладел профессией столяра – вот и иконостас готов. А там, глядишь, и штукатурить научишься да мастерком владеть и будет красоваться храм белокаменными кокошниками, окруженный узорчатым кирпичным забором. Если, конечно, найдется благодетель, который подарит храму немного кирпича за свои грехи. А уж как приятно видеть благодетеля-подвижника, который взялся бы помогать одному из немногих радетелей современного деревенского прихода – его настоятелю!

Так был рад и я, когда в один солнечный летний денек в нашем приходе кроме двух строителей и штукатуров – настоятеля и пономаря Алексея Семеновича – появился третий помощник. Сергей рассказывал о том, как и где он трудился, об ударных стройках, в которых он участвовал, и о прочих трудовых свершениях. Рассказ вышел красочным. «Да... – вздохнул радостный Семеныч, – мастер на все руки. Давно бы нам такого помощника». Договорились о цене за обе-

щанную штукатурку. Настоятель (то бишь я) занялся одним из своих обычных дел – поиском денег на зарплату Сергею, а пономарь со следующего дня должен был стать у нового штукатура подсобником. Вдохновленные, все разошлись отдышаться кто куда. Пономарь – домой, а Сергею отвели для проживания маленькую хозяйственную комнатку в притворе храма. Пусть располагается. Главное для такого мастера – все под рукой. Не нужно ездить на работу автобусом со множеством пересадок. Встал, помолился, позавтракал, и вперед, как говорится, служи Богу своим сокрушенным духом и опытными руками. Вот они, мешки с цементом – в соседней комнатушке, вот он, песок – у паперти, вот в двух шагах и источник студеной воды для раствора – блестящая колонка, пожертвованная храму. Леса уже стоят, мастерок и новенький ковшик сияют на солнце, точно платиновые. Трудись.

Кому случилось наблюдать в среднерусском селе появление первых звезд на прохладном вечернем небе, тот меня поймет. Даже писк редких вечно голодных кровососов комаров бывает приятным, ведь позади еще один тяжелый знойный день. Заботы, проблемы, конечно, никуда не делись, просто, как и всё сейчас, находятся в умиротворении. Где-то далеко в клубе танцы, оттуда доносится глухой стук, почему-то зовущийся музыкой. Где-то прогрохотал мотоцикл. У соседей за забором завозились и захрюкали поросята в своем закутке, должно быть, их мучают во сне кошмары. Сонно лают собаки. Унылое кваканье доносится со стороны за-

гнивающей речушки. Всё находится в состоянии полудремы, кроме полосатых колорадских жуков. У них еще много дел – им предстоит ночное истребление картофеля.

Сажу на скамейке в саду. Становится все темнее. Уже не виден крест на храме, уже не виден и край огорода. Даже полосы на коте, свернувшемся по соседству, уже не видны. Зато в небе внезапно засветился спутник. Вот он угловато движется мимо звезд, но вскоре и он исчезает. Если бы можно было продлить, растянуть этот неповторимый вечер! Ведь он такой необычный. Та же природа, та же обстановка, что и вчера, но нынче... нынче у нас появился Сергей. Теперь, Бог даст, штукатурные работы закончим к Успению и разберем уже порядком надоевшие леса и прочие «подмостя», как их здесь называют. Глаза сами закрываются от усталости, и вижу, должно быть уже во сне, прекрасную радостную картину: Сергей сидит на лесах и зычным голосом взывает: «Семеныч, раствор!» Семеныч мечется с ведрами между бетономешалкой и опытным штукатуром, и все идет на лад, как тогда, когда наши прадеды ходили под стол пешком. Как все же мудр народ в своих пословицах и высказываниях! Недаром говорится, что приятно наблюдать любую стихию – и как течет вода, и как горит огонь, и как кто-то работает. Приятно.

Обычное утро: молитва, завтрак. Собираюсь в храм с радостным предвкушением. Обычным путем, как и каждый день, спешу в церковь. Как обычно, при виде священника в рясе местные люди настораживаются, перестают улыбаться и спешат перейти на противоположную сторону дороги. Но сегодня не удручает даже эта боязнь прохожих быть укушенными. Улыбаюсь всем. Хорошее настроение! Как ни старались селяне растащить и церковь вместе с колхозом, ничего у них не вышло. Колхоз развалился, а храм стоит! Вот над его облезлыми стенами сияет на солнце новый оцинкован-

ный пожертвованный купол. Вот под ним леса. Вот и работник на лесах. Надо же, какое трудолюбие! На часах еще семь тридцать, а он уже... вот молодец, вот...

Молодцом оказался Семеныч. Это он, замесив раствор и не дождавшись Сергея, забрался на леса и занялся штукатуркой.

– Бог в помощь! – приветствую его, глядя вверх.

– Спаси Господи! – падает оттуда.

– Где же наш труженик? – интересуюсь.

– Отдыхает, вчера утомился с дороги, перебрал малость.

Ну что ж, бывает со всяким. Пусть отдохнет, оклемается. Отслужу молебен с панихидой, съезжу на погребение и подсоблю своему трудолюбивому помощнику пономарю.

Трудным выдался жаркий июльский день. Сначала молитва в храме с двумя престарелыми прихожанками, затем бесконечные ведра песка, воды, мешки цемента. Уже под вечер, когда Семеныч ушел домой, когда вымытый инструмент сиял под лестницей в колокольне, за мной пришли из соседнего совхоза. Там человек при смерти, нужно бы его поисповедовать да причастить.

Больной действительно нуждался в напутствии, пребывал в тяжелом состоянии. Больше в тяжелом состоянии духа, чем дряхлого парализованного тела. Обычная поздняя и трагичная исповедь и бесконечно позднее сожаление о растроченных впустую силах и талантах. После причастия говорил он с некоторым облегчением и о том, с каким бы удовольстви-

ем принес за свои грехи жертву Богу. Хоть пропитание свое, хоть одежду, хоть руки, хоть всю жизнь. Да только поздно хватился, зовет Господь на суд и ничего уже не исправить. Вот тебе и вожденная жертва.

«Жертва Богу – дух сокрушен». Эти слова пророка Давида крутятся у меня в голове на обратном пути ко храму. Вот он, мост через гнилую речушку, вот показалась и колокольня, окруженная строительными лесами. В голове встает образ недавнего умирающего исповедника. Покайся он чуть-чуть раньше, вспомни он чуть раньше о суде Божьем, глядишь, и еще один восстановитель прибавился бы к нашей немногочисленной братии. Вот она и жертва, и дух сокрушен, и все остальное. Размышляя об этом, подхожу ко храму, заворачиваю за угол, ко входу...

Полумертвый от первача Сергей на багажник велосипеда какого-то местного парня ретиво привязывает пьяными руками мешок цемента. Церковного цемента. Завидев меня, парень бросил свой велосипед и ретировался.

– Какое счастье, Сережа! Нам кто-то пожертвовал мешок цемента! Отвязывай его скорее да заноси в храм! А куда же девался жертвователь? Поблагодарить бы...

При этих словах «труженик» стал внимательно разглядывать шеренгу одинаковых настоятелей, возникшую перед ним. У всех, видимо, было по два креста, по два носа и не менее двух пар глаз. Сережа фокусировал то левое, то правое око, щурился. Наконец икнул, в его кармане булькнуло

и он навел-таки резкость. Увидев меня одного, он многозначительно ответил: «Э-э. Да-а, жертва...»

Аргументы и факты

Задолго до появления над церковным забором очков слышна дружеская брань. Это явление можно наблюдать хоть каждый вечер. Жара ли, стужа ли... Макар отличается почти английским постоянством. Ругательства слышатся отчетливее, отчетливее. И вот наконец над изгородью появляются бифокальные очки в роговой оправе. Шнурками от ботинок они привязаны к оттопыренным ушам, которые прячутся под навесом кепки-аэродрома. Макар самый высокий в селе человек и большой любитель посудачить «за жисть» сам с собой. Сам себя материт, сам оправдывается. Да так громко, словно двое глухих общаются через дорогу. Порав-

нявшись со мной, он приостанавливается, приподнимается на цыпочки. Теперь над двухметровым забором виден его небритый подбородок. Силится просмотреть насквозь свои залапанные линзы. Похоже, не получается. Он крикает, отпавляется дальше и продолжает свою увлекательную беседу:

– Так вот. О чем это я? Ах да...

– Что, совсем, дурак, ничего не помнишь?

– Кто, я?

– Нет, я! Я-то помню.

Ему с собой не скучно ни общаться, ни – главное – выпивать. Вроде и компания, а самогон – в одну глотку.

Он удаляется. Завтра по-джентльменски пунктуальный Макар будет просыпаться у дороги под старой березой ровно с половины шестого, когда мимо него погонят коров, до без четверти девять, когда лежать под летним солнцем станет нестерпимо. До вечера будет искать в жизни главное, а когда найдет, побежит домой, сядет сам напротив себя и со здравицами самому себе будет пить это «главное». Оба налижутся, а что будет дальше, я уже рассказал. Будет вечер, и будет утро, вечер, утро...

Жизнь счастливого Макара при мне разнообразилась лишь однажды, когда мы с ним познакомились.

А было это так: осенним утром, когда холодно и мокро лежать под березой у большака, коров уже не погнажи. Зато по дороге побрел я служить первую литургию в этом селе. Ма-

кар лежал и ежился от холода. Такой несчастный, одинокий. Кутается в телогрейку, натягивает кепку чуть не на плечи. Я и не подозревал тогда, что под этой кепкой их двое. Подошел, наклонился: «Живой? – спрашиваю. – А? Мужик?»

Он отмахнулся, как от мухи. Немного погодя приподнял голову, взглянул на черную зимнюю рясу. Под линзами захлопали удивленные глаза. Он встал, спокойно ткнул пальцем чуть правее меня:

– Этот поп с рогами!

И сам подтвердил:

– Точно!

Затем указал левее меня:

– Этот... с хвостом, что ли?

– Угу, сам что ли не видишь?

– А этот, – он кивнул на меня, – с рылом?

– С каким рылом?

– С каким, с каким... с поросычьим, конечно.

– Я боюсь, а ты?

– И я боюсь! Это ведь анчихристы в попов вселились!

Макар с перепугу «побежали» куда-то. Я отправился на службу. Рассказал утреннюю сценку Алексею Семеновичу. Тот решил, что Макар допился «до чертиков». Однако уже вечером Петровна шептала своим товаркам, что поп – антихрист, крестилась, плевала через плечо. Клялась, что с рожками. Сама видела! Ей-ей!

Покровские летуны

Потрепанная полукруглая «Волга» с оленем на капоте не спеша плывет по укатанному проселку. Я сижу рядом с водителем, пономарь Алексей Семенович царствует за нашими спинами на огромном диване, точно секретарь райкома.

Осень выдалась на редкость сухая. Справа облетает посадка, слева чернеет перепаханное поле. Одолевает дремота. Хорошо, должно быть, медведям: нас везут в Покровку на похороны, а они, жирные и довольные, засыпают сейчас в своих берлогах под шелест золотистой листвы.

Путь неблизкий, и, чтобы разогнать сон и скоротать время, заговариваю с водителем, мужичком лет шестидесяти:

– Вы тамошний? Покровский?

– Да.

– Тогда, наверное, должны знать, почему вас, покровских, зовут летунами?

– О! Это действительно история любопытная, – он присосанился, поерзал и принялся за рассказ:

– Было это еще при Сталине, сразу после войны. Я тогда мальцом был, но прекрасно все помню. Никто теперь не разберет, откуда, но появилась в нашем сельце монашка – не монашка, чернушка – не чернушка... короче, бабка. Вся в черном, юбка по земле волочится. Бодренькая такая старушенция. Палка у ней сучковатая и котомка. Повадилась, значит, эта старуха шастать по дворам. Зайдет в дом, поднимет кривой палец к потолку и знай, проповедует. Да так грозно, словно поп какой.

– Кайтесь, – говорит, – грешники! Скоро суд Божий! Все пропадете!

Ну, кто понабожней, те слегка струхнули.

– А когда, – говорят, – суд-то этот?

– В среду!

– Завтра, что ль?

– Завтра! – говорит. – Раздайте свои пожитки соседям, а сами в одном исподнем лезьте все на крышу. Подымется страшный ветер, опустится черная туча. На ней – Бог! Кто раздаст все – тот лезь к Богу на тучу. Он спасет, а кто не послушается, тому гореть в геенне. Горе безбожникам и ком-

мунистам!

Ну, деревенька-то наша невелика была – дворов эдак полста. Бабка всех обошла, страху напустила. А после войны дело было. Мужиков-то мало. Так, старички бородатые, бабы да ребятишки. Весь день про страшный-то суд судачили – кто верит бабке, кто не верит. Кто испугался, а кто смеется себе. Так день и прошел. Ну, а как стемнело – тут вовсе боязнь взяла. Суд-то, он ведь уже с утра начнется, а вдруг бабка не соврала?

Смотрю, бабы в потемках по задам шастают. Все с узелками да с мешками. Это они, кто понабожней, раздают, значит, скарб. Ну, жили-то бедно и раздавать вроде нечего, а нашлось-таки кое-что. Безбожники и рады: неси нам все! У вас, дураков, завтра конец света, а у нас нонче ваше барахлишко. Неси, неси!

Туда-сюда, уже утро. Солнце поднимается, а деды, бабки, вдовы кой-какие уже на крышах сидят. Все в одном исподнем. Молятся себе. То-то хохоту было. Безбожники и партийные веселились: вот, мол, дураки! Раздали все, да еще и перед всем селом в одних подштанниках! Те молятся, эти смеются, а конца света все нет и нет. Кое-кто уже и с крыши слез. Но тут! Началось! Не пойми откуда, ветер поднялся страшный. За ним и туча опустилась. Темно так сделалось, жутко. Туча вся сверкает, гремит. Да нависла еще так низко-низко. Вот тут-то безбожникам не до смеху стало. Кинулись было и они барахло свое раздавать. А кому? Ни-

кто ведь не берет, дураков нет. Ну, может, и так Бог в рай возьмет? Поскидали все с себя портки и в одних подштанниках – на крыши. И давай себе рыдать да голосить. Молятся, молятся... А гром такой поднялся, аж мурашки по спине. Молнии лупят, земля трясется. Жуть! Ну а когда дождь хлынул, тут уж ясно стало – всемирный потоп! Не сбрехала бабка-монашка, дай Бог ей здоровья. С небес настоящий водопад. Тут уже спастись надо. Соседних домов не видать. Позакрывали все глаза и на тучу попрыгали. Вот... Потому всех покровских летунами и кличут. Да...

– Да, действительно, летуны, – говорю водителю и жду продолжения истории. Но он насупился, молчит.

Не выдержал Алексей Семенович:

– Ну, и как же вас Бог судил?

– Как, как! Да никак. Тучу ветром сдуло, дождь кончился. Смотрю через плетень – соседи мокрые, злые, в грязи возятся. Бабку проклятую матерят. Кое-кто ее искать кинулся, а где ж ты ее найдешь?

Когда все умылись и обсохли, пошли по дворам свое, значит, барахло обратно требовать, а идти как? Все ж роздано – надеть нечего, так и блукали все, в подштанниках. Вот... Такой, значит, суд.

Я оглянулся на Семеныча. Он закусил губу, чтобы не смеяться. И мне повеселело, дремота отбежала.

– Ну, – спрашиваю водителя, – а вы-то где были при «конце света»?

– Где-где! – не без иронии разозлился тот. – Не зря же мы все как один зовемся «покровские летуны»! Мне, правда, повезло, я с «небес» в навоз шлепнулся, там мягко, а вот тетка моя, та на дрова угодила, ногу сломала. Очень уж в рай

хотела, Царство ей Небесное.

– Что, померла?

– Нет, то есть... тогда все обошлось, это она теперь... ее отпевать едем. Вы уж, батюшка, помолитесь, чтоб Бог ее, того, к себе взял. Очень уж хотела она... чтоб... в рай...

На пригорке за оврагом показалась крохотная деревушка. Десяток кривобоких домиков – все, что осталось от Покровки...

– Помолимся...

Светлый кот

На этот раз синоптики не обманули. После туманных дней показалось солнышко.

Мы служили литургию в древнем храме, который не закрывался ни в войну, ни в революцию. Служили я и тамошний настоятель – священник, может быть, в пятом поколении. Хор тихо и сладко пел, как, наверное, и двести лет назад. Лучик солнца просочился сквозь старинное стекло южного окна в алтаре и медленно пополз вниз по пережившим и холода и войны фрескам. Маленький красноватый зайчик застыл на лице Спасителя. Потом, во время «Трисвятого», сонно переполз на жертвенник. Затем зайчиков стало мно-

го. Они перестали румяниться и заиграли на парчовых покрывцах, начищенных рипидах, на настоятельском облачении. А один, огромный, светлый и как будто бы главный, чинно воцарился на горнем месте, когда диакон принялся читать Евангелие. Такое великолепие обычно надолго впечатляет.

Диакон вручил настоятелю увесистое Евангелие и забавил сугубую ектению. Внезапно припомнилось, как лет двенадцать тому назад, в мою диаконскую бытность, в другом старинном храме и при другом настоятеле я так же однажды после Евангелия вышел на солею и почти остолбенел от восхищения. Тогда я впервые отметил, что церковное солнце – какое-то особенное. Оно светило в окна купола, и зайчики забавлялись, прыгали по золотым царским вратам с одной завитушки на другую, с виноградной грозди – на резной листок. Интересно, тогда были другие «зайцы» или те же, что и сейчас?

Летят годы... Поменялась эпоха. Лошадей заменили автомобили, фузеи сменились пулеметами, на место купцов и лабазников пришли брокеры и менеджеры. Когда-нибудь все это тоже уйдет – канет в историческую пропасть, а церковный веселый свет останется. Эти же зайчики будут резвиться на макушках у других певчих, эти же лучи будут светить на тот же вечный евангельский текст, правда читать его будет другой диакон, внимать – другие люди. Зато потом, когда все пройдет, а Церковь останется, на Ее торжество соберутся

все, все, кто от века сумел оценить неповторимый церковный свет, и эта радость уже не закончится.

К концу службы зимнее солнце висело уже высоко. Настоятель проповедовал, я радостный стоял рядом и глядел на полтора десятка прихожан, утонувших в огромном лучистом храме. В этом селе люди почти не утратили традиций: левую половину занимали женщины, а правую – пара старичков. Посреди церкви, под главной люстрой сидел кот. Старый крепкий кот. Закончилась проповедь, миряне подошли «под крест». Настоятель, я и диакон удалились в алтарь и разоблачились, а кот все продолжал сидеть. Он дремал под церковным солнцем и во сне покачивался из стороны в сторону. Когда последняя прихожанка вышла из церкви и в храме воцарилась тишина, мы услышали мурлыканье, временами походящее на храп. Я с любопытством глядел на полосатого прихожанина в приоткрытую вратницу. Мой интерес заметил настоятель:

– Что, нравится? Это Барсик. Мы его уже не замечаем, привыкли.

– А откуда он взялся? – любопытствовал я.

– Да он тут всегда был. Ну, конечно, не он, а там предки его какие-нибудь... Но я вот лет, почитай, как тридцать тут служу и сколько помню, что ни служба, он всегда на это место приходит и молит... то есть дремлет. Пускай сидит. Зато насчет мышей – полный порядок.

Настоятель отыскал свою скуфию, и мы отправились к

нему в дом чаевничать. Проходя мимо полосатого мышелова, батюшка поприветствовал его: «Барсик! Кыс-кыс!» Кот упал на спину, скрестил лапки и будто ответил: «Мя-а».

Техпомощь

Отец Георгий из села Горянина – человек благочестивый. Его храм возвышается над селом и отражается в пруду. Не ходит народ на службы – не беда. Бывало, напечет батюшка сам просфор, поставит матушку петь на клиросе и служит себе, молится. Господь ему внемлет: дома семья – Божий дар – шестеро детишек. С маленькими было тяжело, а сейчас... Кто замужем, кто учится, кто в армии. Дома один Давид – ему шесть лет.

В тот день отец Георгий по обыкновению служил. Давид хозяйничал дома – запалил керогаз и варил у крыльца поросючую тюрю в ведерном чугуне. Помощник все-таки. Он уже

погасил фитиль и оставил чугунок остывать, когда услышал на улице за забором красноречивые проклятия. Злой рыболов-любитель, похожий на городского, пинал свой новый мотоцикл и плевал на него.

– Вот ведь делают! Главное, знак качества есть, а он глохнет, зараза, посреди улицы!

Рыбак плюнул и, почесав затылок, полез в инструментальный ящик за ключами. Маленький Давид немного постоял у калитки, посмотрел, как горожанин неумело обращается с пассатиджами. Когда же рыбак уткнулся в схему двигателя, мальчику стало скучно и он пошел кормить своих любимых поросят. Ему нравилось смотреть, как те, учуяв завтрак, визжат и толкаются, а потом накрываются ушами и чавкают, уткнувшись в корыто. Когда Давид отправился в дом ставить чайник, с крыльца он увидел, что к мотоциклисту подошел их сосед – дед Лукич. Мальчуган наспех глотал горячий чай – очень уж хотелось посмотреть, чем кончится история с мотоциклом. Техника ему нравилась.

Лукич уже выкрутил свечи и ласково матерился на них.

– Главное, ёлки, искра есть. Свечки-то новые.

– Конечно, новые, я этот «ижак» месяц назад взял.

– Вот, ёлки!

Давид подкрался к ним сзади и затаив дыхание наблюдал, как Лукич разбирает новый мотоцикл «по болтикам».

– И бобина, ёлки, хорошая, и провода все новые...

– Ну да, новые.

– Вот, блин...

Лукич заставил рыбака нажимать на стартер, а сам смотрел на фыркающий двигатель и чесал затылок. Наконец он выпалил:

– Щас карбюратор разберем, если не поможет, ты эту технику вон, в пруду, ёлки, утопи.

Мотоциклист напрягся – жалко новую вещь. На пыльную землю ложились части карбюратора. Лукич разобрал его весь, вывалял в пыли, покурил и вздыхая начал собирать обратно:

– Вроде все рабочее, новое, ёлки...

Старик Лукич – мотоциклист бывалый, многим соседям он был единственной в селе техпомощью. Пять минут – и весь движок снова в сборе.

– Ну-ка, заводи!

Рыбак принялся раз за разом жать на стартер, прыгать на него. Затем вдвоем с Лукичом они толкали новый «ижак»¹ по улице взад-вперед. Мотоцикл фыркал и не заводился. Наконец Лукич не выдержал:

– Тьфу на твой мотоцикл! У меня самого, ёлки, свиньи не кормлены, а я тут с тобой вожусь!

– Ну, как же... – возразил было городской, но дед его оборвал:

– Вон, видишь, пруд у церкви? Там его утопи.

¹ Мотоцикл <<ИЖ Юпитер>>, выпускался Ижевским машиностроительным заводом.

Хозяин затосковал. Подкатил мотоцикл к изгороди Лукича и уселся на лавочку у его калитки. Затем закурил и принялся плевать в землю.

– Слышь, Лукич! – позвал он не поднимая головы.

– Чё? – отозвался тот из-за забора.

– А когда от вас автобус до города?

– По воскресеньям!

Рыболов ужаснулся:

– Сегодня же пятница!

– Ага, ёлки, пятница! – уже из сарая прошумел Лукич.

Давиду стало жалко несчастного мотоциклиста-рыбачка, и он подсел к нему на скамейку.

– Эхе-хе... – вздыхал тот и курил.

Мальчишка не выдержал:

– Хотите, я вам помогу?

Несчастный повернулся к нему:

– Ты?

– Да.

– А ты разве разбираешься?

– Нет, просто помогу, и все.

– Лукич! – позвал мотоциклист деда, – чё это за пацан тут? Он чё, соображает в технике?

– Ага, соображает, – съязвил тот, – это поповский сын, он щас тебя молиться заставит. Он, как и отец его. Всех, ёлки, задолбал: молись да молись.

Мотоциклист, уцепившийся было за соломинку, ощутил

падение зыбких надежд.

– Хотите, заведется? – не унимался мальчик.

Несчастный молчал.

– Ну, давайте помолимся, и заведется! Ну, давайте! Я же знаю, я пробовал. В разных вещах помогает.

Мотоциклист упорно молчал и начинал злиться.

– Я вот один раз помолился, так у меня поросенок выздоровел, а мама думала, что помрет.

Мотоциклист заиграл желваками:

– Уйди, пацан, уйди от греха...

Мальчуган не унимался:

– Ну, давайте помолимся, Бог поможет, Он все умеет.

– Щас по башке тресну! Чё тебе надо, чтоб ты ушел? – не на шутку рассердился мотоциклист.

– Вы помолитесь, и я уйду, сразу уйду, – залепетал мальчик чуть не плача.

– Ну ладно, что делать нужно? – сжалился рыболов.

– Просто перекреститесь и скажите: «Господи, помилуй и помоги мне, пожалуйста».

– И все?

– Да.

– И отстанешь?

– Отстану.

– Ну, ладно.

Мотоциклист выбросил окурочек, махнул крестное знамение слева направо и произнес: «Господи, помилуй и помоги».

мне, пожалуйста. Всё?»

– Всё, – Давид улыбнулся.

– Ну, теперь проваливай.

– Ладно, я буду проваливать, а вы тоже не задерживайтесь тут и уезжайте.

– Как же я уеду, автобус только в воскресенье.

– А вы на своем «Юпитере», его Бог починил. Вот попробуйте.

Мотоциклист, чтоб отвязаться от прилипучего пацана, встал, «тыркнул» стартер, и... мотоцикл завелся. Не дожидаясь, пока заглохнет, рыбачок вскочил в седло и умчал из села.

Когда осела пыль, Лукич вышел из сарая, посмотрел вдаль, на большак. Почесал затылок и плюнул:

– Тьфу, ёлки, чертовщина какая-то.

Зимнее тепло

За окошком – холодрыга. Завывает выюга. Декабрь гро-
моздит в селе сугробы. Забор под окном почти весь утонул в
снегу, только несколько кривых штакетин гордо торчат над
бескрайней белизной. Временами сельская жизнь полна ро-
мантики: в печи полыхают дрова, в трубе поет ветер...

Сиж у окна, соскреб иней со стекла и любуюсь стихией.
На моем столе миска со скользкими опятами – соседка уго-
стила. Долго ловлю вилкой упрямый опенок. Скрипит мис-
ка, гудит печь...

Признаться, дареные грибы всегда уступают во вкусе и,
главное, в настроении своим, добытым в лесных походах.

Мой приятель все прошлое лето регулярно звонил мне, предлагал выбраться в лес. Я все ссылаясь на «недосуг», а сам втихую завидовал соседу, который то и дело вечерами выгружал из машины ведра с грибами. Повстречавшись с ним, я частенько пытал:

– Михалыч, какая добыча на этот раз?

– Да вот, грузди пошли.

Позднее снова интересовался:

– Теперь что, Михалыч?

– Да вот, успенские начались.

Лето уже заканчивается, если успенские опята начались. Вот уже и Успение на носу. Не за горами и осень.

Вскоре зажелтели листья, зарядили дожди... А Михалычу – новое удовольствие: «осенние поперли!»

Прошедшее лето выдалось хлопотным, но «погрибничать» (или, как придумал мой знакомый, – поучаствовать в «погрибении») однажды случаем улыбнулось. У знакомого как-то осенью лопнуло терпение, к моему счастью. Он не стал звонить, а просто приехал за мной и после службы усадил меня в свою машину. Уже там объявил мне, что корзины для грибов он захватил, взял пару грибных ножичков, словом, упаковался за двоих. Заканчивался октябрь. Михалыч, одетый по-осеннему, сидел на своей лавочке и крутил пальцем у виска, глядя, как мы отчаливаем.

Дивный осенний лес! Мы добрались до дальнего кордона, углубились по дорожке к квартальному столбу. Там бросили

машину и пошли бродить. Мой знакомый сразу честно признался, что Михалыч был прав, когда определил нас в дураки. Время грибное прошло, все, что успело вырасти, уже давно собрали. Но дело вовсе не в грибах. Просто если за весь сезон ни разу не выбраться в лес, то целый год потом можно будет вычеркнуть из жизни, как прожитый порожняком. Я его поддержал. Мы бродили среди старых разлапистых сосен, как будто бы в поисках маслят. Маслят, конечно, не нашли, но нашли много-много интересного. Видели белку. Она скакала высоко-высоко в сосновых макушках. Казалось, что где-то под облаками. Осеннее солнышко золотило ей шубку. Видели веселого ежа. Он прогуливался меж пней, что-то вынюхивал и задорно улыбался. В рифму ежу повстречали ужа. Он, полусонный, что-то искал. А мы уже не искали. Мы уселись на поваленную сосну и разом выдохнули: «Благодарь-то... а тишина-то...» Ежик вертелся под ногами и заглядывал в глаза своими бусинками.

– Век бы отсюда не уезжал! – выдал я, и мой знакомый эту мысль поддержал.

Зимой такие воспоминания согревают – куда твои валенки! У своего дома, напротив, по колено в снегу топчется Михалыч. Он укутался шарфом и дымит папирсой. Его замечает пурга. Лица не разглядеть сквозь метель и густой папирсный дым. Задумался о Михалыче и вдруг понял, что его лица я не могу вспомнить. Нет, его образ перед глазами, конечно, но он неотделим от фуфайки, валенок и папи-

рос так, что случись повстречать его без этих атрибутов, то я его и не узнаю, наверное, и примет особых не смогу назвать. Так, ушанка, валенки, «Беломор», фуфайка... Зато осеннего ежика помню, как родного. И ужа с белкой. Хоть портреты пиши...

Потом, когда еж нас покинул, мы отправились узенькой тропкой в дубовые кварталы. Решили – умные – опят сыскать. По пути набрали на терновник. Любовались кустами со всех сторон, долго, чуть не до заката. Прав был Михалыч, дураки мы и есть. Он бы точно не разглядывал облетевший терновник. Отряс бы все ягоды, чтобы добро не пропало или проходимцу-ежу не досталось.

Запах леса пьянит. Голова кружится. Если Бог на земле нам такую красоту устроил, то что же нас всех ждет там, в раю? Глупые мудрецы любят об этом порассуждать. Говорят, что, дескать, как бы там хорошо ни было, все равно назад, на Землю захочется. Станный народ. Не знают, наверное, что лучше рая нет ничего, нигде. Понятно, что трудно вообразить себя в Небесном Царстве, над землей, над небом, над вселенной с ее премудростями. Непостижимо далеко от болезней, войн, мизерных зарплат, Оранжевых революций, от голода, холода и от жары. Там есть только Бог. Целый Бог! А в Нем – всё. Радость и счастье, любовь и жизнь, красота и справедливость. И снова Счастье. И оно не заканчивается потому, что времени там тоже нет. Можно даже так не мудрствовать, а посмотреть сейчас вокруг: из леса-то, из миллиардной частички райского подобия, и то уходить не хочется!

На закате бредем тропинкой. На дубовой опушке нас встречает целый «собор лесного духовенства». Мне знакомый их представил:

– Перед нами весьма деликатесные грибы. Звать их – зонтики. В простонародье – попы. На вкус – куда там твои опята!

До чего же им подходит это простонародное название! Если приглядеться к их великолепной компании, то эти грибы видятся уездным духовенством, которое просто выбралось в лесок от бденных трудов передохнуть. В центре, без сомнения, благочинный. Вся компания в солидных широкополых

шляпах, какие нашивало духовенство в XIX веке, все весьма упитаны. Большой благочинный склонился к поникшей братии и будто поучает. Красиво. Незаметно всю полянку накрыли октябрьские сумерки. Мы спасли нашу «священную компанию» от грядущей лесной ночи и поспешили к машине.

Хрущу соседским опенком и чувствую, как улыбаются мои глаза от этих воспоминаний. Тогда из леса впечатлений мы привезли гораздо больше, чем грибов. Впрочем, ведь за впечатлениями мы и ездили. А грибы так, повод. Будущим летом новые нарастут.

Вьюга за окном не стихает, злится. И чем она суровее, тем уютнее становится у протопленной печки. Тогда, осенью, мы с моим знакомым тоже устроили себе похожий уют: на сковородке шипели «коллеги попы», на крыльце посвистывал самовар. Неторопливо журчала приятельская беседа. Не могу, правда, припомнить, что такое важное мы тогда обсуждали. Делились ли впечатлениями, критиковали ли литераторов, перемывали ли кости политикам? Не вспомню. Должно быть, такие мелочи не запоминаются. А вот ежа помню, как родного. И белку тоже!

Тепло...

Всякое дерево, или Подпорка для безработицы

После экскурсии по храмам областного центра мальчишки-алтарники явились ко всенощной раньше обычного минут на сорок. Всем четверым по десять лет, учатся в одном классе.

- Батюшка, мы такое...
- Мы видели... это, ну... службу...
- Были в соборе, как архиерей...

Оказалось, их весьма впечатлила литургия, которую совершал сам владыка митрополит. Ребятишки захлеб рас-

сказывали о великолепии кафедрального собора, о блестящих архиерейских ризах, о могучем протодьяконе и о слаженном митрополичьем хоре. Их впечатления понятны, ведь наш сельский храм по благолепию – не архиерейский собор, наш хор из трех женских голосов и рядом не станет с митрополичьим. О предстоятеле вовсе промолчу. Очарованным алтарникам захотелось в своем селе, в своем храме видеть такую же красивую службу, и они занялись своими прямыми обязанностями с небывалым оптимизмом. Отныне кадило вычищалось и блестело, точно золотое. И в колокола звонить наладились. Сначала, понятно, коряво, но очень быстро наловчились. Ну а клиросные богослужебные книги стали для наших пономарят любимым настольным чтивом.

Кажется, это было только вчера, а прошло с той поры без малого два года. Храм преобразился. Алтарники подросли, стали серьезнее и опытнее в церковных делах, ведь теперь им уже по двенадцать лет. В парчовых стихарях они чинно вышагивают на малый вход, ну что твои иподиаконы. Каждый наглажен, причесан. А уж читают-то как! Два года назад трудно было представить, что ребяташки станут на службе незаменимыми помощниками – прекрасно ладят с Апостолом и справляются с каноном, а кажется, будто еще вчера все четверо водили пальцами по священным текстам, тщась выдать из себя хотя бы слово. Вот уж правду говорят, было бы желание и усердие, а там Бог все даст: и здоровье, и терпение, и разум. Сверстники наших ребят привычно не взрос-

леют: кто гоняет целыми днями футбол, кто по кустам покуривает, а кто и... да что там говорить – лоботрясы. Растут, и у них еще все впереди.

Вот, например, какими становятся лоботрясы. Возвращаясь домой после всенощного, слышу, как над притихшей сельской улицей разлетается хриплый мат и громкий кашель. Это бранится Саша. Говорят, что не так давно он был неплохим штукатуром, специалистом. Теперь же бесконечные магарычи и природная лень превратили его в непревзойденного алкаша и бездельника. Вот он, небритый, ковыляет мне навстречу со своим костылем, будто одноногий пират Джон Сильвер.

– Саша, на кого ты стал похож! – говорю. – Косматый, грязный и, конечно, пьяный. Выглядишь, как старый бомж, а ведь тебе сколько, лет сорок пять?

– Сорок четыре, между прочим. Батюшка, дай червонец, а то жрать нечего да нога вот болит, на лекарство надо. Пять рублей уже надыбал, а вот червонца не хватает.

– Ну, нет, – говорю, – лекарство за пятнадцать рублей я знаю. Это которым Петровна, что ли, торгует? На это лекарство не дам.

Удрученный Саша принялся ругаться с новой силой, а я отправился дальше. Его нецензурная брань провожала меня до самой калитки. Из этого монолога можно было уяснить примерно следующее: демократы – сволочи, всё растащили, честным людям ничего не оставили – жрать нечего. Все кругом жулики и жмоты. И поп жмот. Нога болит, а Петровна и чекушки в долг не отпустит... демократы – сволочи. А поп – жмот.

Удивительный человек этот Саша. Вспоминаю анекдотическую сценку, приключившуюся при нашем с ним знакомстве за пару лет до этого. Была нужда штукатурировать церковь. Семеныч обратился для этого к местному специалисту Саше. Страна всюю привыкала к кризису, и тот уже начал без-

работничать. Еще не окончательно опустившийся Саша, побритый и причесанный, пришел наниматься на работу. Помню, рассвело. На его брюках – стрелки. Он вышагивал чинно, как солдат, и пах «Шипром». Всюду сопровождавший Сашу серый кот своей комплекцией походил на «Фольксваген-Пассат» второй серии. Саша подошел к церковной паперти, и мы представились друг другу. Он пожаловался на безденежье, и началось обсуждение условий работы. Я назвал цену за квадратный метр штукатурки.

– Цена подходящая! – обрадовался Саша.

Затем поговорили о подсобнике и, довольные, подошли к облезлой северной стене храма. Здесь, при взгляде на внушительный объем предстоящей работы, обещающий долгие месяцы жизни с зарплатой, работяга бы обрадовался. Я на это надеялся. А вот Саша, напротив, загрустил.

– Да... – вздохнул он.

– И еще, – продолжил я рассказ, – очень либеральное условие. Можно даже пить.

– Да? – штукатур удивился.

– Да. Но только вечером, после работы, или в свои законные выходные.

Тут Саша поник окончательно. Всем видом он показывал, что какой-то пункт договора ему не по душе.

– Что случилось? – спрашиваю. – Может, цена перестала вдруг удовлетворять?

– Цена-то как раз подходящая...

– Отчего же вдруг столько грусти?

На этот вопрос Саша ответил безличной фразой, после которой и мне, и стоящему рядом Семенычу стала ясна причина его «временной» безработицы:

– Это ж... как бы... вкалывать надо?..

Эти слова стали последними в нашей деловой беседе.

И вот прошла пара рабочих сезонов. Упитанный серый кот где-то сдох от голода, и Саша осиротел. В его лачуге все так же собирались приятели, но с каждым месяцем они выглядели все хуже и хуже. Вскоре куда-то стало исчезать крепкое Сашино здоровье. Теперь вот уже без костыля не ходит...

Вовремя лишиться ненужной вещи – это большая удача. Вот и лишает нас Господь по случаю ненужных вещей. Во-ришку может загребущих рук вовремя лишить. Ведь чем с двумя руками да в пекло, лучше уж вовсе без них, но в рай. У кого-то ногу заберет, чтоб не ходил куда не след.

А еще в Евангелии говорится о деревьях полезных и никчемных: «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь». Должно быть, потому-то Господь может всякого бездельника, не приносящего никому пользы, лишить даже жизни. Жизни простой, несмотря на все ее трудности. И для последнего это станет большой удачей.

Давид-креститель

Отец Георгий из села Горянина любит жизнь. Он восторгается ею, как маленький, и радуется возможности жить бесконечно на небесах. Когда он проповедует с амвона, то обязательно расписывает будущий Рай самыми праздничными красками, и несколько старушек, что стоят в церкви, возвращаются со службы молодыми и воодушевленными. Подумать только! Бесконечная, бескоробная и беспроблемная жизнь! Неужели она наступит?!

Однажды в церковь вошла немолодая упитанная дама. Неизвестно, слышала ли она рассказ про Царство Небесное или нет. Ее взгляды на жизнь вообще были весьма своеобраз-

разными. Народ уже покинул храм, а батюшка что-то замешкался в алтаре. Дама терпеливо его ждала. Был летний вечер. Мимо церковных окон с мычанием протопало совхозное стадо. Наконец и отец Георгий загремел в алтаре ключами, собрался уходить. Спустился с амвона, и тут дама подплыла к нему с просьбой о помощи:

– Батюшка, без вашего совета мне не обойтись. Мне Петровна, ну вы ее знаете, божественная такая, наказала свечку за мужа поставить кверху ногами, ну, чтобы он сдох. Я вот свечку купила, а где у нее верх, где низ – не разберу. Помогите разобраться, посоветуйте, пожалуйста.

Отец Георгий уставился на даму с удивлением. Он растерялся и не знал, как помочь этой прихожанке, чтобы ее муж околел от свечки. Он открыл рот и удивленно хлопал глазами. Дама решила изложить свою просьбу подробнее:

– Понимаете, муж – такая сволочь. А еще он – алкаш, гад и изменщик. Он к Нюрке после работы заходил как-то. А Петровна все видала. Она мне про его похождения всегда докладывает, добрая она, ну, по-соседски. Я уже вся извелась, высохла вся от тоски – сил моих нет. Ну а Петровна-то, она старушка божественная, знает, как кому земельку подсыпать, как кому булавку в окошко воткнуть. И берет за советы по-божески. Ну я ее и спросила, как с мужем-то быть. Она и посоветовала: «Чтоб он сдох, – говорит, – надо за него свечку за упокой поставить в церкви, но только обязательно кверху ногами. У попа, говорит, спроси, как и что. Он, де-

скасть, в семинарии обучался. Такие мелочи-то знает, поди».

Отец Георгий посмотрел на необъятную, «высохшую» от горя даму, подумал немного и решил рассказать ей про то, как Бог всех людей любит, про жизнь, которую Бог всем дает, про жизнь, которая будет там, на небесах, у всех крещеных людей. Он даже открыл для этого рот, но дама перебила:

– Вот свечка, видите, кручу ее в руках, кручу, а ни верха, ни низа не различу никак.

Батюшка взял свечку в руки, расковырял фитиль и показал:

– Вот верх.

Потом глубоко вздохнул и добавил:

– Я храм собираюсь замыкать, служба кончилась. Идите домой. Там вас муж, наверное, ждет. Скоро корову доить. Одному-то несподручно, поди, без хозяйки со скотиной управляться. Идите помогать, а в убийцу мы с вами поиграем как-нибудь в другой раз.

Дама смиренно покинула церковь. Батюшка затушил все лампы, лязгнул засовом на входной двери, щелкнул замком и отправился домой.

Трудовой день закончился, и в прохладном воздухе тут же запищали комары. С фермы по окрестным лугам разливаются коровье мычание и незлой пастушечий мат. Слева, в пруду чуть пониже церкви, играют золотые карасики. Ребятишки запутались в удочках на берегу. Гуси за день утомились под августовским солнцем. Они уселись у Лукичевой калит-

ки и даже не шипят на прохожего в шелестящей рясе. На отца Георгия нахлынуло вдруг поэтичное настроение. Все наполнено прекрасной жизнью! И потом, подумал батюшка, тоже будет жизнь, но куда прекрасней этой! В миллион, наверное, раз!

Толстая дама настигла отца Георгия уже у его калитки. От резвого галопа ее «иссохшее» тело все взмокло. Задыхаясь она промолвила:

– Батюшка, спасибо за совет, только вот я спросить забыла, на какой подсвечник свечку-то втыкать? И еще, забыла, сдохнет-то он – гад – скоро после этого?

Поэтичное вдохновение отца Георгия враз оставило. От жалости к даме и ко всем жертвам Петровны зануло сердце. Он решил помочь ей спастись, забыть об убийственных планах, скроил страшную гримасу и рывкнул что было духу:

– Дура! А ну пошла отсюда на Великую горку к Кузькиной бабушке! И Петровну свою божественную с собой прихвати! Уйди с глаз моих! Не то я сам тебе эту свечку поставлю! Я те так ее поставлю!!!

Дама решила не рисковать и поспешила убраться. В селе поговаривали, что местный поп свои обещания обычно выполняет.

Расстроенный батюшка вошел в дом и уселся чаевничать. Горячий чай обжигал, и настоятель долго фыркал в свою чашку про то, что «одолели Петровны, когда ж их Петровня дурь уже поыветривается. Молишься за них, молишься, а

они...» На третьем стакане он успокоился, и тут к нему подкрался шестилетний Давид. Он придвинул табуретку поближе к столу и вскарабкался на нее. Руками, перепачканными зеленкой, он тоже нацедил себе чаю и принялся молча хлебать. Он был задумчив и совсем не слышал, как отец вопрошал его про обилие зеленки на руках. Заметно было, что в голове пацана скрупулезно копошится занятная думка. Наконец он выдал:

– Скажи, пап, а крещенные ведь не умрут и в рай попадут... все?

– Бог их знает, – ответил отец, – все, кто Его слушается, наверное.

– Так нам, пожалуй, скучно будет в раю без кошек. Они-то, бедненькие, все некрещенные.

– Ну, не знаю. Кошки ведь нам для этой жизни нужны. Так ведь Господь устроил.

Давид еще немного помялся. Он все не решался поделиться с отцом своим великим открытием. В конце концов не выдержал:

– Знаешь, пап, я сегодня подумал, что кошкам тоже не хочется умирать. И я изобрел, как их тоже в рай взять. Я Мурку, и Барсика, и всех их котят... ну... это... покрестил. А что, запросто. Взял тазик, принес воды из колодца, и все. А еще, только ты не ругайся, потом я поросят покрестил и цыплят... тоже... Свинью тоже вот хотел...

Тут на столе затряслись стаканы и миски. Отец Георгий

от хохота весь покраснел и взмок. Сыну нужно было кое-что серьезно объяснить про крещение, но сделать это теперь без смеха все равно не получилось бы. Чтобы отдышаться свежим воздухом и успокоиться, он вышел на крыльцо. Но тут ему стало еще смешнее: по двору чинно вышагивает крещеный петух, крещеная курица водит православных цыплят. На карнизе развалился Барсик – толстенный ортодокс...

Сад и вся улица утопают в зелени. В палисаднике красно от мальвы. Злые комары к сумеркам распищались не на шутку. Батюшка прихлопнул одного на лбу и подумал, как хорошо, что Давид не додумался и этих крестить. Гонялся бы за ними до ночи по селу. И на том свете потом бы от них житья...

Губернатор острова Мицубиси

Утверждение о том, что каждый человек живет в собственном мире, может быть легко оправдано. У каждого из нас свое общество приятелей, свой круг друзей, знакомых, с которыми нас связывают общие дела и общие темы для разговоров. А еще у каждого есть собственный скрытый мирок, где удобно спрятаться в тяжелую минуту и не пускать туда никого-никого.

Однажды, когда я служил вторым священником в большом храме маленького районного городка, за мной приехал человек из отдаленного села, с тем чтобы пригласить на похороны матери. Весь его вид как будто бы говорил: «Свя-

жешься со мной – не избежишь приключений». И первое впечатление не было обманчивым. Этот человек крепко пил. Отказать христианину в православном погребении нельзя, и буквально через десять минут мы уже неслись по трассе Москва – Симферополь на старенькой «шестерке» в его родную деревню за тридцать верст. Мой непохмеленный возница с трясущимися руками был страшен за рулем. Опытные водители уступали нам дорогу. Машина неслась по ухабам, выскакивала на обочину и снова возвращалась на асфальт. Было страшно, и единственным утешением служил сломанный спидометр. Его стрелка уже перешла на службу к другим людям или, может, валяется где-то в придорожной пыли, поэтому можно было успокаивать себя, думая, что все равно едем мы медленно и с нами ничего не случится. Через двадцать километров нас ждал съезд с асфальта, от которого до деревни еще километров десять. Эти последние десять верст оказались настоящим испытанием. Еще пару дней назад проехать здесь было бы невозможно. Непрерывные осенние дожди и сельскохозяйственная техника превратили проселок в две глубокие параллельные траншеи, но, на наше счастье, прошлые день и ночь выдались морозными, и слякотная колея схватилась ледяной коркой. Мы неслись по проселку, и мне казалось, что самое приятное на свете занятие – это пешее путешествие. Казалось, все отдал бы, только бы выйти из машины и пойти пешком. В багажнике, под капотом, в подвеске передних колес и заднем мосту, а также в салоне и

«бардачке» что-то страшно и непрерывно грохотало. Мотор ревел, страдающий водитель стонал и еще крепче прижимал к полу педаль газа. Стекло на моей двери от тряски то и дело опускалось. Хотелось его держать (холодно все-таки), но мешали легкие удары потолком по голове... или головой о потолок? Теперь это уже не важно.

По прибытии нас обоих встретили разные компании. Меня богомольные старушки в черных платках повели к покойнице в ветхий домик, а моего водителя похожая на него по всем признакам похмельная братия поторопила в сарай за домом, где «все уже готово», по их словам.

Печальны церковные погребальные песнопения, но печальны они по-особому. Не унылые, не пугающие, но напротив, вселяющие упование на бессмертие, на вечную, радостную жизнь. Слушаешь их и представляешь Божье снисхождение к нам грешным. Представляешь первых людей в раю. Людей счастливых, вечных. Представляешь и грех, ставший причиной изгнания беспечных людей из сладкого рая. Грех, ставший причиной смерти. Представляешь и будущее воскресение, когда верные услышат архангельский трубный зов, встанут из своих ковчегов и пойдут встречать Светлого Господа, грядущего на небесах в предшестве Славы. А потом будут разные компании. Одна – в вечную жизнь, а другая...

В тесной избушке сизый кадильный дым, сладко пахнет ладаном, мерцают свечи. Бабушки взялись подпевать. Удивительно, церкви в их селе нет уже лет шестьдесят, нет уже

и словавших ее вырождков, а церковные песнопения до сих пор живут в народе и утешают христиан. По окончании погребального чина даже не хочется выходить на улицу, до того в домике тепло и уютно, но всех ждут свои хлопоты. Одних – похороны, а других – дорога назад, до храма.

На улице первый снежок. Огромные, рыхлые хлопья снега величаво ложатся на промерзшую землю при полном безветрии. Постепенно они накрывают собой заиндевевшую грязь на улице, необрунную капусту в поле и гнилую «шестерку», некогда окрашенную в сиреневый цвет, стоящую поблизости. Из сарая за домом тянет махорочным дымом и доносятся обрывистые, жеванные слова песни «Шумел камыш». Понимаю, что назад придется добираться пешком. Прощаюсь с бабушками и отправляюсь из деревни в сторону трассы. Снег медленно, чинно падает, словно воздушный десант, и, прежде чем растаять, долго лежит на рясе и на непокрытой голове. Где-то высоко, за серыми облаками, гуляет шум реактивного самолета, а сзади, из деревни, доносится кудахта-нье одинокой озябшей курицы. Над околицей раскатывается далекий распев: «Кругом помя-а-тая-а трава». Пройдя с километр, понимаю, насколько опрометчиво поступил я, не взяв с собой теплую зимнюю скуфью. Будь она на мне, можно было бы не бояться простуды. Еще через километр начинает казаться, что путь сюда на старой «шестерке» был не так уж и плох и что с большим удовольствием проехал бы на ней еще разок, в обратную сторону, если бы кто-нибудь

предложил.

На мое счастье, предложение подвезти не заставило себя долго ждать. Немного погодя меня догнали два дюжих пожилых бородача в фуфайках на стареньком «Юпитере» с коляской. Коляска под завязку загружена мороженой капустой с поля, видимо, корм для личных поросят.

– Садись, батюшка! – почти приказным тоном сказал тот, что сидел за рулем.

– Спаси Христос! – ответил я и быстро забрался на гору капусты.

Мотоцикл начало трясти, в ушах засвистел ветер. Было слышно лишь, как сквозь ветер бородастый мотоциклист пытается объяснить неразумный поступок своего свата, Васильича, который должен был хоронить свою мать, привез батюшку и напился.

– Всё водка проклятая, – надрывался он, перекрикивая ветер, – всё водка!

Так мы добрались до трассы. Мотоциклисты повернули на север, а я, поскольку должен был ехать на юг, принялся «голосовать».

Если бы не голова, окончательно замерзшая на ветру, здесь можно было б долго стоять и просто смотреть на проносящиеся мимо машины. Вот караван из больших груженных автопоездов с устаревшими надписями по бортам: «Со-втрансавто». Вот тарыхтит старенький «Запорожец» с седым пенсионером за рулем. Вот пара дорогих мини-вэнов. Люди

едут, едут, едут, пристально всматриваются в голосующего священника, на миг отвлекаются от дороги, от своих мыслей, проносятся мимо и вновь погружаются в думы, окруженные своим мирком, ограничивающимся пространством автомобильного салона.

Возле меня остановился отполированный «Мицубиси-Галант», водитель жестом пригласил садиться. Приятно продрогшему человеку оказаться в тепле! В водителе я узнал нашего прихожанина. С год назад он начал изредка навещать в храм, потом постепенно стал завсегдатаем воскресных богослужений. И вот теперь Господь послал его мне на выручку. В машине чисто, мягко и тихо. На зеркале болтается освежитель-елочка и источает приторный запах ананаса.

– Как здорово, – заговариваю я, – что вы здесь проезжали, иначе стоять бы мне у дороги до «китайской пасхи».

– Я не проезжал, – задумчиво отвечает он, – недалеко от вас стоял в посадке, смотрел на первый снег, да вот увидел, как голосуете, и решил выручить.

– Большое спасибо, – говорю, а он грустно продолжает:

– Я часто выезжаю на природу, или просто катаюсь по дорогам, или остановлюсь где-нибудь и музыку слушаю, думаю...

– Не скучно вам вот так, одному?

– Напротив, – сосредоточивается, обгоняет «Волгу» и договаривает: – Мне здесь хорошо одному в машине, сам себе хозяин.

Замолкает. Его грустный взгляд скользит по асфальту.

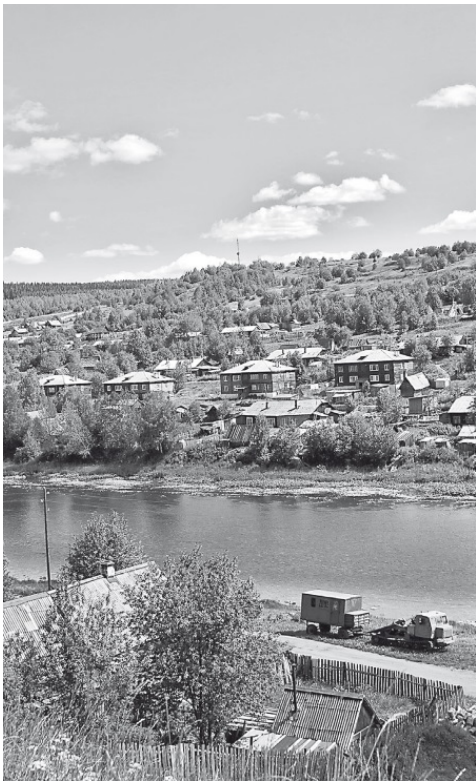
– А как же дом, семья? – спрашиваю.

– А что дом? Дети выросли, разъехались, теща постоянно гостит. У них с женой свои семьи: то Луис-Альберто, то Хуан-Карлос какой-нибудь. Усядутся перед ящиком и целыми днями сидят. Я там вроде как лишний. Поначалу, по молодости, пробовал жену с собой брать. Вывезу в лес, показываю ей радугу после дождя, цветочки лесные, деревья, травку, а она злится, что мокро, что очередную серию по ящику пропустила, что комары кусают и крапива жжет. Баба есть баба. Разные мы с ней. Начал было в церковь ее звать, так она сказала, что я, старый дурак, совсем с ума съехал. А мне нравится в церкви. Да и вообще одному лучше, спокойнее как-то. Здесь, в машине, у меня свой мир, свой суверенный остров, и здесь я хозяин, а не жена. Здесь никакой демократии. Сам командую. Сам подчиняюсь. Ни тебе оппозиции, ни тебе диссидентов. Кому со мной не по пути, тот иди пешком или смотри в телевизор.

Наш диалог прервался яростным свистком автоинспектора. Машина плавно остановилась на обочине. Из-под облетевшего тополя к нам подошел пожилой старшина с радаром, вежливо представился, проверил документы. Затем показал трехзначную цифру в окошке радара-пистолета и сказал:

– Хотел вас наказать, да вижу, батюшку везете, торопитесь. Поезжайте, но не лихачьте. Там дальше, на въезде в город, стоят коллеги из области. Они могут и права отобрать.

Водитель поблагодарил инспектора, и «Мицубиси» понес нас дальше, мягко шурша колесами. Японская магнитола заголосила русскую песню про «Леди Осень», и мы молчали остаток пути, думая каждый о своем, наслаждаясь спокойствием на дрейфующем островке без войн и распрей. На островке Мицубиси. Губернатор и попутчик, соблюдающий политический нейтралитет.

Выдумка

Жара. Понтонный причал покачивается на волнах, баюкает. Река у нас такая широкая, что все что ни есть на другом берегу кажется игрушечным. Игрушечные хаты, игрушечный паром, трактор на пароме... Он еле-еле тарахтит, отсвечивает новой синей краской. Шум с того берега почти не слышен. Игрушечный цыган дядя Яша там. Он сидит мешком на гнедой кобыле, тоже ждет переправы, а паромщика, как всегда, где-то носит. За цыганской лошадью притрусилась на переправу черная как гудрон собака Смола. Я знаю ее. Я всех в нашей станице знаю. Все десять лет, с самого рождения здесь живу. Смола углядела поодаль на лугу стадо бара-

нов. Она шалит – скачет, лает почти не слышно. Игрушечные бараны пугаются, носятся толпой по берегу, и сюда то и дело долетает дружное, разбавленное летней жизнью «бе-эээ». Где-то возле солнца веселятся жаворонки. Пробую разглядеть – слепит, не видно. Брызжет на луга их песня. Кладу голову на деревянные перила причала, смотрю на бегущую воду...

Я все здесь знаю. Вот тут, на скамейке, кое-кто недавно выскреб гвоздем: «Поромшик асел». Весной мы с дружбаном Мишкой разглядывали эту клинопись, а Гришка из девятого класса заявил, что написано с ошибками. Только с какими, не сказал. Мы долго кумекали. Вроде всё по правилам. Мы-то неплохо по русскому, помним, как писать «оро-ере», «жи-ши». Все сходится – «поромшик». Наверно, ошиблись с «аслом»... Тогда тоже просидели на причале до заката, прождали. Теперь я один, Мишка далеко...

Мою бабушку в станице тоже все знают. Кто зовет ее уважительно – читалка, а кто свысока так – монашка. Мне не нравится, как они при этом ухмыляются, а ей все равно. Она хочет в рай. Я тоже хочу, а Мишка – она говорит – уже там. Когда мой друг захворал, мы с бабушкой ходили его «попроветривать». Мишкин отец хотел тогда бабушку разогнать. Мол, за каким лешим приперлась, у хлопца всего лишь воспаление легких, через неделю опять на речку побежит. Торчит там вечно... Отец у Мишки – партгрупорг, его у нас все уважают...

...Сзади шумно подрулил ГАЗон, обдал причал пылью, гарью и заглох. За рулем балагур Филя «шебутной». Из кузова высыпали бабы в белых косынках – пололи свеклу – улеглись под ольхой в тенечке. Молчат, напеклись в поле. Филя сегодня злой, поднял капот, рычит.

Из-за речного поворота быстро-быстро летит «прогулошный». На палубе гомонят. Динамик шепелявит песенку «Барабан был плох, барабанщик бог». Это теперь я знаю слова, а раньше Мишка мне говорил: «Таракан бил блох, а баран оглох». Прислушиваюсь к шепелявому матюгальнику. Не-эт, врете, прав был Мишка...

Филя бежит на берег, скидывает сапоги и тельник. В одних семейных прыгает в воду. Тут, у причала, глубоко. Он хватается за крепежный трос, чтоб не снесло течением, ложится на спину. От катера набегают волны, колыхают и пристань, и Филю шебутного. Прогулочный тает за поворотом.

Трактор там, на пароме, заглох, ржет цыганова лошадь, просится к воде... Снова тишина... Жаворонки...

Мишку хоронили, еще каникулы не начались. Я ходил к нему с классом, а бабушку с ее ветхими подругами Мишкин отец не допустил. Тогда бабки стали под крыльцом и пропели знакомое мне «Со святыми упокой». Партгрупорг попытал, мол, что это еще за такой «упокой»? Бабушка ответила «чтоб не тронул *никакой*». Отец выругался, плюнул... А я знаю кто это – «*никакой*». Бабушка говорила, что Мишку *он* и не тронет – «ангельская душка, добрый наскрозь». Еще

она говорила Мишкину отцу, чтоб тот не тужил. Апостолы, дескать, в древние времена радовались, чуяли, что смерти нет. И нам заповедали веселиться на всякий час. Никто ведь «смерти не увидит». Он тогда разозлился, зашипел: «У меня сын помер, а вы, дуры старые, хотите, чтоб я веселился?! Глупая выдумка! Это вашей жизни никто не увидит!»

...Паромщика все нет. Тени совсем исчезли, печет. Бабы отправились до ближайшей балки, «охлануться». Филя достал из кабины полевой бинокль, залег под ветлой. Пыжился,

пыжился... Нет, говорит, ничего не видать. Отдает бинокль мне. Я разглядываю баранов на том берегу. Мне всё видать, все-то кудряшки! Мужики столпились на солнцепеке, Смола чешется, ловит блох. Там, где берег покруче, выются стрижи. Тьма, как много их! Неслышно щебечут, волнуются. Во-он, с пригорка пылит по белому проселку «поромшик» на велике. Мужики ожили, наверное, станут бить. Так уже было однажды. Все повторяется. Жизнь... Нет, не быют – похоже, оправдался.

С луга тянет донником. Мне делается скучно глядеть на другой берег. Глаза от бинокля слезятся. Напоследок вздумалось рассмотреть жаворонков, где-то они там? Солнце такое!.. Чуть не ослеп через тот поганый бинокль! Жмурюсь, тру глаза. Филя ругается, отбирает свою «оптику».

Ясный светлый диск в голове застит все, мерещится – тру и тру влажные веки. Каково же там Мишке, в раю, где «Христос ярче всякого солнца», как бабушка говорит? Наверное весело, веселее, чем нам. Хотя куда веселее? И нам скучать некогда, жизнь – в глазах пестрит. Как ее можно не видеть? Это смерти не видно. Вот она-то – смерть – и есть самая глупая выдумка...

Песня про гробы

Светлая седмица. Переполняет радость оттого, что Господь победил смерть, болезни, горе и печаль. Хочется этой радостью делиться и делиться. Ее много, на всех хватит. На всех, кому она нужна.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – торжественно, словно на параде, отвечают известные прихожане. Их лица светятся ярче солнца. Счастливые.

– Христос Воскресе! – иду, почти лечу с кадилом и трисвечником по храму.

– Воистину Воскресе! – вещает пономарь Семеныч из ал-

таря.

– Воистину Воскресе! – из-за колонны ликует Виктор – старый христианин, беженец из Азербайджана.

– Воистину Воскресе! – из-за другой колонны тоненьким голоском звенит Екатерина – беглянка с Украины.

– Воистину Воскресе! – это Илья, переселенец из Казахстана.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе!

В храме пять человек. Все беженцы с Русской земли на Русскую землю. Рассказывают, что в этих самых «станах» и даже на Украине тосковали по духовности, оттого и прибежали сюда, в центр Святой Руси, побросав квартиры и работу. А тут... Местные беженцам не радуются, если же уличают в церковности, вовсе съедают.

– Пусть лучше съедят свои, православные! – заявил как-то по прибытии из Азербайджана Виктор.

– Православные? – удивился я. – Так ведь православные не съедают, они, то бишь мы, – не волки.

– А как же?... – он задумался.

– Вот так!

– Да...

– Да!

Но пасхальное настроение убивает все темные мысли.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе!

После службы, довольные, пятеро молитвенников расходятся по домам. Словно фонарики разбредаются по темным проулкам и приветствуют мрачных соседей, дымящих на лавочках возле дворов:

– Христос Воскресе!

Те в ответ ворчат.

Интересно, а почему так? Может, мы, священники, мало проповедуем? Может, мы, духовенство, малограмотные? С такими мыслями бреду домой. Меня отвлекает женщина, чей огород подходит вплотную к стене храма. Вот и ее церковная жизнь не волнует. Может, я виноват?

– Батюшка, можно вас спросить?

«Ого! – думаю, – неужели духовное шевеление? Отрадно!»

– Конечно! – говорю и добавляю: – Христос Воскресе!

– Ну, это у вас, там, может быть, и воскресе.

– Вообще-то везде и всегда, – отвечаю, – так о чем вы спросить хотели?

– Да вот, у кума мать при смерти. Он ей гроб смастерил, а сам греха испугался. Спроси да спроси у попа, грех это или нет, когда сын для матери гроб делает?

– Грех, – говорю, – когда человек в церковь не ходит, когда в праздник бездельничает, когда не постится, ворует и сквернословит.

– Да нет, – даму ответ явно не устроил, – это все ерунда! Вот вы скажите, гроб для матери делать – не грех?

Я честно ответил:

– Ничего про гроб для матери Спаситель не говорил. Да и вообще в Писании ничего похожего не встречается.

– Говорили мне умные люди, – возмутилась дама, – что попы ничегошеньки не знают. Так и есть. Чему вас только в семинарии учат, дармоедов! Лучше у бабки Петровны спросу. Она-то уж побожественней любого попа будет...

Женщина обиженно побрела к Петровне и долго еще возмущалась у ее калитки:

– Хм... тоже мне... не знает, что грех, а что нет... еще поп... хм... людей учит... Вот Петровна в церковь не ходит, и то знает... не тот нынче поп пошел, не тот...

Пельмень

От холода у Семеныча посинели губы, а у меня уши. Кадильный дым не тает, а висит снопами в воздухе. В открытые царские ворота видны застывшие огоньки на лампадах семи-свечника. На улице трещит мороз. Все живое жметя поближе к теплым печкам.

В такие зимы обязательно замерзает насмерть хотя бы один человек.

Перед нами наспех сколоченный необитый и неструганый гроб. Отпеваем пристывшего в сарае односельчанина. Веселый был человек. И звали его весело – Пельмень. Он и сейчас лежит и беззаботно улыбается. За моей спиной со све-

чой молится сестра «радостного» покойничка, рядом с ней племянница. Чуть поодаль качается пьяный Футбол, на аналое повис в слезах Топтыжка. Звенит кадило.

Интересные у них имена. Такие же нехристианские, как и все остальное. Семеныч пытался записать новопреставленного в тетрадь сорокоустов и долго вопрошал Футбола, как звали покойного. Тот держался за окно свечного ящика и вещал:

– Пельмень! Ты че, отец, Пельменя не знаешь?

– Я говорю – имя, ну, как его зовут? – допытывался Алексей Семенович.

– Глупый ты, что ли? Я же тебе толкую – Пельмень!

Вмешалась сестра:

– Иваном крестили.

Семеныч записал новопреставленного Ивана и ухмыльнулся:

– «Пельменя не знаешь?» Кто ж его не знает? Знаменитый покойничек. Он у меня мешок картошки увел, у соседа уголь почти весь осенью перетаскал. Все натопиться не мог...

Хор приступил к канону. Мы с пономарем запеваем: «Упоко-ой, Господи, душу усо-опшего раба Твоего».

Сестра и племянница крестятся. Жалеют усопшего.

Когда новость о том, что пьяный Пельмень замерз, облетела село, многие облегченно вздохнули. Теперь можно кур не замыкать и спокойно оставлять у порошков на ночь рваные галоши. Топтыжка с горя пропил кусок медного громо-

отвода, который покойник когда-то спилил с церковной колокольни. Сестра устало смотрит на гроб. Про нее селяне решили, что она отмучилась. Прекратились дебоши, вырезвители, бесконечные кореша-оборванцы...

Закончилась заупокойная ектенья. Хор запел кондак: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего». Семеныч вступает басом: «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Вот ведь как получается – мы теперь просим, чтобы Господь поселил Пельменя в Раю, со святыми.

Помнится, однажды новопреставленный Иван решил взяться за свое христианское воспитание. Подошел к свечному ящику и купил брошюрку «Как молиться от пьянства». Прочел ее и вызвался помогать при церкви. Алексей Семенович как раз собирался вешать большую трехрядную люстру в трапезную часть храма и взял Пельменя себе в подмогу. Пока работали, Пельмень рассуждал о спасении и трезво-

сти, часто бегал «до ветру». К вечеру Семеныч не досчитался доброго десятка лампочек, а Пельмень, спешно уползая на четвереньках, забыл в храме свою книжку от пьянства.

Хор поет прокимен. Содрогаюсь от холода. Сестра вздыхает, когда слышит слова апостола Павла, произносимые Семенычем: «Братья, о умерших не скорбите, словно и прочие, не имеющие упования». В окошко постучала озябшая синица. Жуткая зима. Помнится, еще ласковым летом покойный пугал меня ею. Было это так: мы с Алексеем Семеновичем купили немного досок. КамАЗ подъехал ко храму, и Пельмень подрядился его разгрузить. Мы отлучились минут на двадцать. Когда вернулись, Пельмень лежал пьяный, а над ним матерился водитель грузовика. Через пару часов, когда доски лежали в храме, к нам, отдыхающим на лавочке, приковылял проснувшийся, трясущийся Пельмень и потребовал за работу на выпивку. Я ему отказал и вдобавок попрекнул лампочками. «Ну, подожди, поп! – прошипел тогда горе-грузчик, – подожди, еще не зима! Зимой ты у меня попляшешь!» Я тогда его не понял и даже забыл эту угрозу. Вспомнил только когда выпал снег. В колокольне на досках лежала пара зимних шипованных колес. Весной я оставил их именно там. Теперь их нет. Вот и дождались зимы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.